

ТИП ГЕРОЯ В РАССКАЗЕ «РОЗОВЫЕ ЧАШКИ» АНТОНИИ БАЙЕТТ

Файзиева М.С.

Старший преподаватель кафедры
Иностранного языка и литературы, НУУз.

E-mail: fayzieva_malika@yahoo.com

А. Байетт считается одной из самых авторитетных современных писательниц в Великобритании. Западноевропейские и российские литературоведы активно исследуют её творчество, уделяя большое внимание романам. Рассказы данного литератора менее изучены и посвящены в основном аналитике мифопоэтического сознания в малых художественных текстах.[1]

В рассказах А. Байетт представлен особый тип героя. Это как правило, взрослая женщина, которая пытается осмыслить сложные вопросы бытия через призму самоидентификации личности. Отсюда особый уклон в сторону внутрисемейных отношений, связи поколений, разрыва родственных связей и т.д. Так, в рассказе «Розовые чашки» представлена героиня – созерцатель, которая, воссоздавая в своём сознании идеальные картинки прошлого, пытается понять, принять и простить себя.

Рассказ А.Байетт «Розовые чашки» представляет собой соединение постмодернистской и реалистической техник письма. Произведение состоит из фрагментов, картин, которые связаны между собой энергией памяти главной героини. Вероника - живущая в конце XX века, живет прошлым. Она, как и всё её поколение 60 годов XX века, не сумела освоиться; «с механическими приборами, с групповым проживанием, с отрицанием всех авторитетов» [2]. Попытка отразить неприкаянность героини в сегодняшнем мире обусловила авторский выбор постмодернистского приёма в создании повествования. Причём картинки сменяются словно кадры в кино. Монтажный принцип композиции то увеличивает картинки, то даёт дальний ракурс. Рассказ поделен на четыре несоразмерные части. В первой части очень подробно представлена картина чаепития трёх молодых женщин. Детально прописана обстановка, внешность и наряды дам. Всё это дано через призму сознания главной героини. При этом описание даётся как «наблюдение со стороны»: «третью женщину было труднее рассмотреть» [2]; «ей были хорошо видны оба кресла»; «ей был виден письменный стол»; «ей всегда был хорошо виден низкий стол» Наблюдаемая картинка неожиданным образом прерывается авторским замечанием «Она перебарщивала с розовым цветом» [2], а это уже приём авторского присутствия в тексте, характерный для реалистической манеры изложения. И такой синтез (реализма и постмодернизма) прослеживается практически во всех частях.

В сознании героини в одно время и в одном месте, здесь и сейчас, находятся три поколения: Вероника, её мать и дочь главной героини Джейн. Если мать – «женщина со светлыми волосами, изящной шеей, изыскано отточенной верхней губой и спокойным взглядом» - представительница начала XX века, а Вероника, которая «острижена она была не столь изящно, на мужской манер» – лицо середины XX века, то Джейн – «высокая и плотно сбита, округлая и стройная, очень живая, одновременно и женщина, и злой ребёнок» - человек конца XX века.

В рамках малой формы фактически втиснута история XX века. Эта история запечатлена посредством характерных деталей исключительно бытового характера. Но эти символы красноречиво характеризуют Время и Поколения.

Примечательно то, что эти, казалось бы, излишние подробности представлены в 1 и 2 частях рассказа. Так, детали быта конца XIX-начала XX века: розовые чашки, бабушкина вышитая скатерть, швейная машинка («во время войны на этой машинке приноровилась перелицовывать воротнички, укорачивать брюки, превращать пальто в юбки, а занавески в рабочие штаны») – создают зримую картину времени.

Середина XX века передана следующим образом: «Ей не нравился розовый цвет и не нравились блюдечки в форме лепестков, это было так старомодно. Она и её друзья и подруги пили растворимый кофе «Нескафе» из ярких керамических или эмалированных кружек», а вторая половина XX века – «Джейн обитала в мире машин и механизмов. Она ходила по улицам с висящим на боку черным ящичком, она жила в электрическом царстве, среди стерео-проигрывателей, фенов для волос, кассетных магнитофонов, щипцов для завивки и укладки волос» [2].

Если в первом случае розовый цвет и чашки символизируют домашний уют, чистоту, традиционные ценности, то электрическое царство и стерео-проигрыватели – знак поколения, которое ощущала «боязнь бессмысленности и инерции», а характеристика людей второй половины XX века уже представлена подробнее «насыщенной светской жизни..., грохоча рок – музыкой, попахивая наркотиками, гомоня решительными голосами» [2].

Повествование выстроено таким образом, что рассказ от 3 лица переходит в перволичную форму повествования. Точка зрения главной героини Виктории максимально сближена с авторской. А. Байетт создаёт фрагментарное повествование, где героиня вступает в роли наблюдателя. Вероника, «наблюдая» за судьбой матери и жизнью дочери Джейн, не может объективно оценить свою собственную жизнь. Не случайно даже свою внешность героиня не может описать: «Третью женщину было труднее рассмотреть; острижена она была не столь изящно, на мужской манер». Примечательно то, что себя молодую, Вероника очень хорошо видит и понимает: «совсем юной студенткой, в накрахмаленной нижней юбке, гладкокожей, с подкрашенными глазами, страстной» [2]. В молодости ей не нравилось всё старомодное – чашки, скатерть, розовый цвет. Вероника прожила всю свою жизнь в каком-то ожидании. Ожидании чего-то светлого, прекрасного, что станет смыслом жизни. Однако ничего значительного не произошло, только сплошное разочарование – бросил любовник, не получила роль в университетском театре, нежелательная беременность и всё это случается в один день - «Девушка в её воспоминании о том парализовавшем её несчастном дне». Весьма характерная деталь - «парализовавшем». Иными словами, уничтожившем, разрушившем ее дне. И после смерти матери Вероника пытается восстановить себя, и воображаемая ею картина есть попытка «переформатировать себя». Собрать себя из осколков путем возвращения к нравственным, эстетическим, общечеловеческим ценностям, которые имеют надвременное значение. Всё это подается через цвет и звукопись.

Так, розовый цвет – символ любви и возрождения, а цветок роза (он элемент интерьера «занавески в розочках, кресло, обитое ситцем в больших, разлапистых розах; а также розы на клумбе) – символ времени, смерти и воскресения» [2]. Одежда трёх женщин,

также имеет особое значение – оливковый (цвет молодости, благородства и мудрости, рыжий – жизнеутверждающий, а молочный – чистоту, искренность).

Ностальгия по семейному счастью, любви, молодости позволяет автору соединить в рассказе разные времена, разные поколения, которых может связывать семья, любовь и память.

Литература:

1. Дарененкова В.С., Бочкарева Н.С. Мифопоэтика поздней новеллистики А.С. Байетт («Элементалы: Истории огня и воды» и «Маленькая ночная книга рассказов») // Вестник Пермского ун-та: Иностранные языки и литература. - 2008. - вып. 5 (21). - С. 57—74.
2. Байетт, А. С. Розовые чашки А. С. Байетт [Текст] / пер. Л. Беспаловой И Иностранная литература. - 1992. — №7. - С. 177.
3. Campbell J. A.S. Wyatt and heliotropic imagination. - Waterloo, 2004.
4. Соловьева Н.А. Вызов романтизму в постмодернистском английском романе // Вестник Московского унта. Сер. 9. Филология. - 2000. - № 1. - С. 54-67;
5. Ханжина Е.П. Жанровая полифония и диалог культур в романе А.С. Байетт «Обладание» // Традиции и взаимодействия в зарубежных литературах. — Пермь, 1996.
6. Djafarova, Dildora, Yaxshiboyeva Nodira, and Abdullayeva Zulfiya. "Socio-Cultural Memory And Its Reflection In French Phraseology." Journal of Positive School Psychology (2022): 2883-2889.
7. Yaxshiboyeva, Nodira. "Reconstruction of coloristic expressions in erkin azam's" noise" and" rakana's love"." Конференции. 2021.
8. Ilhomovna, Djafarova Dildora, and Bobokalonov Odilshoh Ostonovich. "Interaction of Language Games in the Articulation of “Historical Memory” Within French and Uzbek Phraseology." American Journal of Language, Literacy and Learning in STEM Education (2993-2769) 2.1 (2024): 348-354.
9. Ilhomovna, Djafarova Dildora, Bobokalonov Odilshoh Ostonovich, and J. A. Yakubov. "Archaic Phraseological Units as Windows into “Historical Memory” in French and Uzbek Linguistic Traditions." American Journal of Public Diplomacy and International Studies (2993-2157) 2.1 (2024): 163-169.
10. Ilhomovna, Djafarova Dildora, Bobokalonov Odilshoh Ostonovich, and Yaxshiboyeva Nodira Ergashovna. "Contemporary Usage of Archaic Phraseological Units Expressing “Historical Memory” In Uzbek and French Languages." American Journal of Language, Literacy and Learning in STEM Education (2993-2769) 2.2 (2024): 371-377.
11. Ilhomovna, Djafarova Dildora. "Phraseological Units Expressing" Memory"/" Mémoire" in Linguistics and their Analysis through Texts." Best Journal of Innovation in Science, Research and Development 2.11 (2023): 490-492.
12. Яхшибоева, Нодира. "Таржима жараёнида маданиятлараро мулоқотнинг социолингвистик хусусиятлари." Академические исследования в современной науке 2.17 (2023): 165-169.
13. Иногамова, Ф. М., and Н. Э. Яхшибоева. "Фразеологик маънонинг конвенциаллиги." Academic research in educational sciences 3.5 (2022): 1176-1182.

14. Яхшибоева, Н. (2023). Туристический дискурс как один из особых видов институционального дискурса. *International Bulletin of Applied Science and Technology*, 3(6), 879-884.
15. Яхшибоева, Нодира. "The role of tourism terminology in french." *O‘ZBEKISTON MILLIY UNIVERSITETI XABARLARI*, 2023,[1/4] (2023).